

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

**Путь в науку,
след в науке: опыт
самоопределения**

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие друзья, прежде всего хочу сказать, что для меня высокая честь — проведение научной конференции, связанной с моим юбилеем. Большое спасибо всем, кто пришел в этот зал, и особенно тем, кто выступил с докладами и сообщениями. Огромную благодарность хочу высказать всем организаторам конференции. Это прежде всего Валерий Андреевич Луков, Евгений Данилович Катусьский, Евгений Анатольевич Белый, Сергей Иванович Плаксий, Геннадий Алексеевич Журин и другие. Всех перечислить просто не могу.

Я никогда бы не согласился на проведение научной конференции, посвященной моей персоне, если бы для этого не было достаточных оснований. Я не знаю, сколько страниц я исписал. Я уже давно перестал считать свои статьи и брошюры, держу в памяти только толстые книги. Я попросил своего помощника Геннадия Алексеевича посчитать хотя бы примерно, сколько печатных листов представлено на выставке моих трудов, которую вы видите. Он сказал, что около 700 печатных листов, иначе говоря, более 17 тысяч страниц. Это значит, что фактически исписано мною, по крайней мере, 40–50 тысяч страниц: я никогда ничего не публикую в первой редакции. Но дело, конечно, не только в количественной стороне. Думаю, что в тех областях знания, которых я касался в своих статьях и книгах, мною выдвинуто немало идей, выводов и рекомендаций, полезных как в научном плане, так и для практики.

Другое дело, что я ничуть не обольщаюсь насчет значения сделанного мною в сравнении с некоторыми другими учеными-гуманитариями, которые посвятили всю свою жизнь исключительно науке, а в ней — исключительно одной отрасли знания. Меня

интересует все, что попадает в поле моего зрения. В этом смысле я, вслед за А. А. Зиновьевым, могу

сказать о себе, что я — «думательная машина». Мне все равно, что думать. Единственное, чего я не могу, — не думать о том, что вижу, что меня волнует.

Иногда мне кажется, что я слишком разбрасывался: то я писал о комсомоле, то о молодежи «вообще», то о демографии, то о воспитании, то о социальных, экономических, политических, нравственных и других аспектах; то я писал об образовании, культуре мира, то — о войне, терроризме и т. д. При этом я сразу хочу понять любой предмет в его целостности, синтезировано, а не чисто исторически, по частям — философски, в психологическом плане и т. д.

Объяснения такому подходу разные. Во многом это связано с тем, что я был и остаюсь постоянно включенным в общественную жизнь, всегда занимался управленческой деятельностью, несколько раз менял сферы своей деятельности: производство, комсомол, журналистика, дипломатия, научная, педагогическая. Занимая определенные, как правило — первые руководящие, должности, я в силу необходимости должен был глубоко понимать то, за что отвечал, чем и кем управлял, понимать, как делать свое дело лучшим образом.

Я не отношусь к разряду людей, которые, просыпаясь утром, думают о том, чем бы им заняться, говорят себе: «А поизучаю-ка я вот этот вопрос». Научные задачи я не выдумывал, мне их всегда ставили жизнь, практика. Из множества я всегда выбирал самые острые, жгучие общественные проблемы. Нередко получалось так, что я начинал говорить о той или иной проблеме раньше всех, первым, когда она еще не была осознана об-

ществом. Может, потому, что у меня довольно сильная интуиция, я это давно заметил за собой. Много, прежде чем узнать и понять, я чувствую. Возникает какое-то странное и необъяснимое ощущение беспокойства, чувство безотчетной тревоги, опасности, иногда даже страха. И вдруг вспышка в сознании: «Ах вот в чем дело!..» И удивление, что кто-то этого не понимает...

Сегодня, когда я подвожу промежуточные итоги моей научной деятельности, хочу выразить огромную благодарность присутствующей здесь моей супруге Светлане Петровне. Она — не просто свидетель моих творческих мучений, но в определенном смысле и соучастник моего творческого процесса. Нередко я разговариваю с ней по поводу тех проблем, которые волнуют меня. Человек она умный, наблюдательный, хорошо образована, очень много читает. Нередко она является моим первым оппонентом, иногда в чем-то пытается остудить мой пыл или, наоборот, поощряет. Поаплодируйте, пожалуйста, моей жене. (*Аплодисменты*).

Готовясь к этой конференции, я впервые в жизни задумался о некоторых вопросах, которые прежде даже в голову не приходили. Просто было некогда заниматься самопознанием, самоопределением, самопониманием. Вся жизнь на бегу. Вообще, недостаток моего творчества — поспешность, главный недостаток моих трудов (как следствие) — их определенная незавершенность. Я доволен ни одной из своих книг. Мне никогда не хватало времени довести их до совершенства. Всегда что-то поджимало. И я останавливал себя: «Бог с ним. Следующую книгу напишу лучше».

Но все-таки, думаю, я сделал совсем мало. Несмотря на то, что наука практически всегда была **вторым планом моей деятельности**.

Даже если взять Научно-исследовательский центр, куда я пришел в 1977 году. Именно с этого момента начинается мой собственно профессиональный путь в науке. Но и здесь на первом плане было управление: четыре с половиной года — зам. директора

(а фактически — директор, так как эта должность была вакантна в течение 3,5 лет); 10 лет — директор. Руководство коллективом в двести с лишним научных сотрудников — это очень непростое дело, которое занимало все рабочее время. Теперь вот уже почти 13 лет я ректор вуза, который сначала надо было поднимать из руин, а потом и ныне — совершенствовать, конкурировать. И днем и ночью голова занята прежде всего управленческими проблемами, все остальное — потом. Вся свою жизнь я писал и пишу за рамками рабочего дня: поздними вечерами, в выходные, праздники и в отпусках.

Валерий Андреевич Луков предлагал мне выступить по теме «Наука в XXI веке». Это слишком сложный вопрос, чтобы говорить о нем на бегу. К тому же в канун моего юбилея Сергей Иванович Плаксий написал и выпустил книгу «Стратегия успешного вуза»; Институт гуманитарных исследований под руководством Валерия Андреевича Лукова издал коллективную монографию «Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке»; опубликованы статьи в ряде газет и журналов. В этих работах коллеги наговорили мне массу комплиментов, дали едва ли все возможные превосходные определения: «мыслитель», «стратег», «видный», «крупный», «выдающийся», «основоположник» и т. д. Думаю, всем интересно знать, а каковы же мои представления о самом себе. Совпадает ли мнение других с моим мнением? Это ведь далеко не одно и то же, а иногда весьма разные вещи — взгляд со стороны и взгляд изнутри. Человек есть не только то, что о нем думают и говорят другие. Человек есть и то, что он сам в себе ощущает, как он сам себя определяет. Намерения, мотивы и т. п. — это тоже человек. Только ты сам знаешь, почему сделал то или иное, так или иначе. Или — не сделал... Поэтому я решил сказать, во-первых, о том, как я пришел в науку, во-вторых, о своем пути и следе в науке, а в-третьих (попутно), о цене успеха. Опыт самоидентификации, самоопределения.

Мне кажется, что некоторые сюжеты моего научного творчества могут быть полезны

тем, кто размышляет о том, что такое наука, идти в науку или нет, что их ждет на этом поприще. В зале ведь сидят не только умудренные опытом доктора наук, но и аспиранты, студенты.

МОЙ ПУТЬ В НАУКУ

Есть люди, которые с молодых лет, а то и с детства знают или чувствуют свое призвание.

У меня есть друг — знаменитый композитор Марк Анатольевич Минков. Он говорил мне: «В шесть лет я сказал маме с папой, что буду композитором». И он стал одним из лучших российских композиторов.

У меня есть близкий товарищ Анатолий Пантелеевич Деревянко — академик РАН. На первом курсе университета он сказал себе: «Я стану знаменитым археологом». И стал им.

Я знаю немало таких людей. «Одна, но пламенная страсть» (А. С. Пушкин) владеет ими.

Я не мечтал стать ученым. У меня все было, как у огромного большинства молодых людей. К тому же наша семья бедствовала, нищенствовала. Мама говорила мне: «Сыночка, учись». Но я, закончив семь классов, сказал ей: «Мама, я пойду учиться в техникум». Потому что надо было скорее зарабатывать, кормить мать, сестру. А в какой техникум? Да бог его знает, в какой. Поступил в Новосибирский строительный.

И вот там, в техникуме, на последнем, четвертом, курсе, случилось то, что теперь я оцениваю как **первый момент самоосознания** себя как творческой личности.

Был февраль. Преддипломная практика. Я был направлен на кирпичный завод №10 Дзержинского района с задачей написать проект реконструкции этого кирпичного завода с целью повышения производительности с 1 млн штук кирпичей в год до 10 млн штук.

Как это сделать — я не знал. Но на заводе я встретил главного механика, который не имел специального технического образования, но был великолепным практиком. Я спросил его: «Что мне делать?» Он сказал, что на за-

воде есть «узкое» место, которое надо «расширить», и это решит мою проблему, а для завода принесет большую пользу. И мы стали с ним вместе это «узкое» место «расширять». Мы стали конструировать и создавать полуавтомат для резки кирпича-сырца. Я на логарифмической линейке рассчитывал, а потом вычерчивал в различных видах и разрезах редукторы, валы, шестеренки с их крутящими моментами, модулями и прочими делами, а он тут же, прямо «с колес», вместе с токарями, фрезеровщиками, шлифовщиками, слесарями собирал этот полуавтомат.

Все эти три месяца я жил и работал как угорелый, не зная ни дня, ни ночи. И это я, человек, который в ту пору по несколько часов в день отдавал спорту, просто не мог жить без него, занимавшийся в тот же момент в вокальном кружке. Я все забросил. Днем и ночью я делал только одно: рассчитывал и чертил, не понимая, что за состояние овладело мной. Только теперь я могу сказать, что это было. Это было — творчество. Это было — вдохновение. Прошло три месяца, сборка закончилась. Полуавтомат работал! Я был потрясен: ведь это я придумал, я рассчитал, вычертил!.. Мне до ужаса понравилось это состояние ума и души.

Позднее, когда я был уже в армии, мне сообщили, что я и главный механик получили патент на изобретение. Вот тогда впервые в жизни я поверил в расхожую фразу, что «труд — это радость, это смысл жизни» и т. п.

Ведь я начал работать с шести лет. Живя в деревне после эвакуации из Ленинграда, заготавливал в лесу дрова, колот их и складывал в поленницы, греб сено, возил на быке «волокуши», выполнял все работы в огороде, по дому. Но ничего, кроме усталости, мне этот труд не приносил. Радость и удовольствие я получал от занятий спортом, пением, занятий в драмкружке, струнном оркестре. От Игры в собственном смысле этого слова.

Защитив диплом в техникуме, я поступил учиться в Омское танкотехническое училище. Все бывшие потрясения души вскоре забылись. Я просто учился.

Потом наступила пора комсомольской работы: сначала в комитете комсомола стройки п/я 53, потом в Дзержинском райкоме комсомола Новосибирска. Это было совсем незнакомое, неведомое состояние, которое мне тоже очень понравилось: работать с людьми — значит убеждать, организовывать их. Мне не хватало многих знаний, навыков. Я был поставлен перед необходимостью много читать философской, политической, экономической и разной другой общественной литературы. А параллельно учился на заочном отделении Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта. В этом, конечно, еще не было никакой науки. В моем сознании шел накопительный процесс социально-гуманитарного знания.

Проработав четыре года в Дзержинском райкоме комсомола, в 28 лет я попросился на производство. Мне предложили должность начальника цеха на оборонном заводе п/я 23.

Но прежде чем я ушел на завод, состоялась отчетно-выборная конференция, на которой я выступил с отчетным докладом. Я считаю, что это был мой первый опыт сочинения своего рода научного доклада. Дело в том, что этот отчетный доклад был необычным в том смысле, что я попытался осмыслить деятельность 30-тысячной районной организации за всю проделанную мною работу в должности первого секретаря за прошедшие четыре года, а не за два, как было положено. Я, собственно говоря, не отчитывался, а размышлял о том, *как* мы работали, *что* и почему получилось, а *что* и почему не вышло. Главной темой была демократизация, необходимость изменения стиля руководства в городе, области, в комсомоле вообще, а не только в Дзержинском районе — одном из 5,5 тыс. райкомов комсомола в СССР. Квинтэссенция моих размышлений была очень простой: организация (комсомол) должна не только требовать и «брать» от молодого человека (комсомольца), но и «давать» ему, то есть помогать, содействовать в решении жизненно важных для него про-

блем на стадии возрастного становления и развития. Когда я разворачивал этот тезис, то неизбежно выходил на такие важные теоретические и практические проблемы, как соотношение личного и общественного интересов, централизма и демократии, дисциплины и права, свободы и ответственности и т. д. В те годы они были крайне актуальны.

Когда я теперь ретроспективно смотрю на свои статьи, брошюры и книги, свою кандидатскую и докторскую диссертации, то все они с разных сторон рассматривают именно эту проблему: человек в организации, личность в обществе и т. д.

Случилось так, что на той конференции присутствовал Юрий Николаевич Афанасьев. Некоторым из присутствующих сегодня в зале этот человек известен как секретарь парткома ВКШ и проректор ВКШ в 1970-е годы, а затем — как один из отцов российской «демократии» в разгар перестройки, один из ближайших сподвижников Ельцина. А в 1963 году он был ответственным организатором ЦК ВЛКСМ. Афанасьеву очень понравился мой доклад, он забрал его и привез в ЦК комсомола. А в ЦК заведующим орготделом был очень умный и прогрессивный человек Михаил Павлович Вышинский. Прочитав мой доклад, он отнес его Сергею Павловичу Павлову — первому секретарю ЦК ВЛКСМ. Сергей Павлович прочитал и сказал: «Надо растиражировать доклад и отправить его по райкомам комсомола в качестве примера, как надо анализировать свою работу».

Вспомним: 1963 год — это еще время хрущевской «оттепели». В ту же пору вышли несколько моих статей в новосибирской областной газете «Молодость Сибири», а затем и в «Комсомольской правде».

Едва начавший работать начальником цеха, я был отозван на работу в ЦК ВЛКСМ.

Стоит заметить, что выдвижение секретаря райкома на работу в ЦК было случаем уникальным: в орготдел ЦК обычно брали вторых секретарей обкомов комсомола. Я воспринял происшедшее как огромное поощрение не только за то, что был способен думать и писать.

Работа в ЦК колоссально расширила горизонты моего мышления. Огромная страна с населением в 250 млн человек... Молодежная организация в десятки миллионов молодых людей... Капитализм, социализм... Огромный клубок сложнейших вопросов и проблем... Что это — все? Как понять? Как ответить на множество трудных вопросов? Но я уже знал, как быть: надо было много читать, думать, писать.

Следует отметить, что с детства я рос очень свободным и даже своевольным человеком. Я привык говорить и поступать «по справедливости», всегда резал правду-матку в глаза. И теперь в ЦК, когда меня стали привлекать к написанию речей секретарей ЦК, докладов на пленумы и съезды, я следовал тому же правилу: я мыслил свободно, говорил и писал то, что думал.

Однажды я представил в журнал «Молодой коммунист» две статьи, которые вы видите сейчас на стендах моих трудов. На заседании редколлегии журнала «Молодой коммунист», где обсуждались эти статьи, член этой коллегии Иван Федорович Петров, заведующий кафедрой Академии общественных наук при ЦК КПСС, сказал: «Молодой человек, Вам надо идти в науку. У вас научный склад мышления».

Но после выхода первой из этих двух статей меня, больного, подняли с постели: «На “ковер” к Павлову!» Мне был учинен грандиозный разнос!.. «Оттепель» закончилась. Хрущева сняли. Демократия была уже не в моде.

Вторая моя статья два месяца лежала без движения. Потом ее разрешили опубликовать, но меня взяли на подозрение. Хотя Павлов сказал однажды на бюро ЦК: «Привлекайте активней Ильинского... У него есть голова на плечах». Это не было всепрощение, но — реабилитация за прошлые «грехи».

Я двигался по служебной лестнице, и мне нравилось даже то, что большинство аппаратчиков презрительно обзывали «писаками», «философами» меня и тех совсем немногих, кто был способен писать. Но все речи и доклады тем не менее сочиняли мы,

а это по факту означало, что мы во многом предопределяли ход мыслей, а значит, и развитие ВЛКСМ. Это мне понравилось. В те годы я понял, что дело в конечном счете не в должности, которую ты занимаешь в государстве или какой-то организации. Миром правят идеи. И значит, думать и писать стоит, хотя мне стало ясно, что дело это совсем небезопасное.

Для пополнения своих знаний я стал ходить на занятия в кружок профессора Игоря Васильевича Бестужева-Лады, который работал при Московском горкоме комсомола и занимался новомодным делом — социальным прогнозированием. А еще параллельно, также по вечерам, посещал кружок по изучению общей теории систем, который работал под руководством академика Богомолова и Побиска Кузнецова в Пединституте имени Ленина. Кружок работал тайно, так как общая теория систем была под запретом официальных властей. Мы собирались в подвальном помещении пединститута и обсуждали переводные статьи, которые представляли нам Марина Ветцо, Спартак Никаноров и другие.

Пользуясь удостоверением работника ЦК, я получил доступ в спецхран Ленинской библиотеки и штудировал там книгу «Тектология» Александра Александровича Богданова-Малиновского — основоположника «всеобщей организационной науки», именуемой ныне общей теорией систем. На основе этих знаний мне хотелось сделать для комсомола что-то такое, чтобы эта организация, которую я любил, которой я был предан, функционировала лучше, эффективнее.

Хочу заметить, что я никогда не помышлял себя диссидентом. Что такое диссидент? Это не просто инакомыслящий, это — противостоящий. Я не противостоял Системе. Я вообще не представлял, что Система может рухнуть. Я очень хотел усовершенствовать ее изнутри. Все мои скромные усилия в конечном счете, когда я работал в комсомоле и рядом с ним, были направлены на то, чтобы сделать эту организацию лучше, гуманнее, эффективнее. Скажу по-другому:

чтобы эта организация служила не только КПСС, советскому обществу, но и молодому человеку, его социальным нуждам.

Однажды, будучи уже заместителем заворготдела ЦК, я написал что-то вроде проекта по радикальной перестройке стиля деятельности в комсомоле и, в частности, в ЦК, принес эту записку своему начальнику — заворгу Геннадию Елисееву — человеку умному, хорошо ко мне относившемуся. Прямо при мне он бегло пролистал мое сочинение и со словами: «Ты что — сдурил? Хочешь, чтоб тебя из партии выгнали? Тебе что — делать нечего?» порвал его и выбросил в мусорную корзину.

Я был ошарашен. Мы всерьез и надолго рассорились. Елисеев предложил мне покинуть ЦК и поехать работать первым секретарем обкома куда-нибудь на периферию. Однако уезжать из Москвы не согласилась моя жена. Проблема постепенно «рассосалась», но жить мне стало трудней. Через какое-то время я попросил отпустить меня на журналистскую работу. Зашел разговор о должности главного редактора журнала «Молодой коммунист». Потом последовало предложение стать помощником первого секретаря ЦК комсомола Е. М. Тяжельникова. Однако ни первый, ни второй замысел не осуществился. Вакантным оказалось место главного редактора журнала «Комсомольская жизнь», и я согласился на эту работу.

Четыре с половиной года в этой должности были для меня весьма интересными и полезными во всех отношениях. В том числе в плане продвижения по пути в науку. Я оттачивал перо, учился редакторскому мастерству, довольно много писал в свой журнал и другие издания, а кроме того, подготовил диссертацию по философским наукам с примерным названием «Опыт системного анализа ВЛКСМ». Первый его вариант я дал почитать трем докторам наук, «классикам» истории комсомола. Все трое сказали: «Тут все — с ног на голову. Это — ревизионизм. Эту диссертацию тебе нигде защитит не дадут». Поразмышляв с полгода, я выбросил этот текст и стал готовить диссертацию по

исторической теме, связанной с реализацией в комсомоле принципа демократического централизма, где главной для меня была тема демократии.

В январе 1975 года, через несколько месяцев после перехода на учебу в Дипломатическую академию Министерства иностранных дел, я защитил эту диссертацию в ВКШ. Голосовали «единогласно», но «классики» пощипали мне «перья» весьма основательно: кое-что существенное уже тогда я трактовал не так, как они, то есть «неправильно».

В Дипломатической академии я почти забыл про научные дела. По 7–10 часов в день отнимало изучение английского, а на третьем курсе еще и интенсивного курса немецкого языка. Через несколько месяцев я понял: в дипломатии, конечно, надо шевелить мозгами, но в этой сфере действуют армейские принципы: дисциплина, иерархия, «слушаюсь», нижние чины интеллектуально обслуживают вышестоящие. Аппарат как аппарат. А я еще в ЦК комсомола стал испытывать к этому механизму, исключая определенную часть работников, большую неприязнь. Это и стало главной причиной, по которой я отказался от дипломатической службы и после получения диплома перешел на работу в Научно-исследовательский центр при Высшей комсомольской школе, хотя были и другие интересные предложения. Однако в НИЦ сошлись три чрезвычайно важных для меня аспекта: во-первых, необходимость думать, во-вторых, писать и, в-третьих, возможность руководить группой людей, которые помогают разрабатывать и реализовывать твои идеи.

Что можно сказать в завершение этой части моих рассуждений? Прежде всего то, что мой путь в науку был извилист и труден. Это очевидно. Но значит ли это, что я пришел в науку случайно? Напротив. К сорока годам своей жизни я успел поработать не только на производстве, но и в таких элитных сферах, как комсомольская работа, журналистика, дипломатия. В каждой из них я занимал неслабые должности, каждая из которых для многих могла бы стать вершиной карьеры. На каждом из этих участков я был

успешен. Меня ценили, мне доверяли, предлагали новые должности. На каждом из этих поприщ я мог бы работать, совершенствоваться, делать карьеру. Если бы захотел. Но — не хотел. Душа просила чего-то иного. Работа в Научно-исследовательском центре, особенно после того, как лет через пять я утвердился в своих глазах как исследователь и организатор науки, а потом встал во главе этой научной структуры, привела мою душу в состояние внутреннего равновесия и в то же время — предельного напряжения. Я работал во всю силу своих умственных и физических возможностей, тогда как прежде (притом, что всегда относился к делу с предельной ответственностью) работал, быть может, в полсилы. Это было «мое». Все, что я задумывал, в конце концов получалось. Но не потому, что мне благоприятствовали обстоятельства или кто-то помогал «сверху», а вопреки всему. По большому счету научные рекомендации «каких-то там кандидатиков и докторишек» (такое я слышал не раз) никогда особо не интересовали руководителей ЦК комсомола, а тем более — партии. Разговоры о «научных основах» были данью декларациям из решений съездов партии и комсомола. Ведь Система строилась на основе «научного коммунизма». Но поскольку сам «научный коммунизм» был более всего идеологией, а не наукой, то он сам в себе нес бурю отрицания подлинно научного, объективного знания. Из любой идеологии проистекает политика субъективизма, волюнтаризма и произвола. В управлении «вверх» признавали научным то, что отвечало их обыденным представлениям.

Так было, так есть и сегодня, в «новой» России. Наука для власти — помеха, а не посох.

СЛЕД В НАУКЕ

Моя докторская диссертация, монография «ВАКСМ в политической системе советского общества», которую я защитил в 1983 году, вызвала откровенно враждебное отношение в научном сообществе исследователей комсомола и партстроителей. Это была первая

в СССР работа, в которой феномен ВАКСМ как массовой молодежной организации осмысливался в социально-философском, теоретическом плане, а не исторически. Ведь все те 1500 диссертаций, о которых только что говорил Валерий Андреевич Луков, были историческими и едва ли не все начинались совершенно одинаково «Партийное руководство комсомолом в...» и далее — все, что угодно: «в ударном строительстве», «в подъеме сельского хозяйства» и т. п.

Мой подход, мои идеи и выводы разрушали многие утвердившиеся стереотипы. Главное — я совершенно по-иному трактовал функции комсомола в обществе. В течение десятилетий они представлялись примитивно просто: «ВАКСМ — 1) помощник, 2) резерв КПСС». И точка. Я же говорил: «Да, это так. Но кроме этого есть еще и другие функции, а в частности, собственно политическая и социальная. Все годы существования комсомола эта функция находилась в законсервированном, в замороженном виде, не реализовывалась, хотя потенциально, внутренне она была присуща этой организации. Эту функцию надо развернуть, реализовать. Если комсомол это сделает, то вероятнее всего молодежь не будет бежать из него (так как она уже к тому моменту бежала, или ее с трудом там удерживали).

Вот в чем состоял пафос данного аспекта диссертации и одноименной монографии, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия».

Разумеется, в моей работе было немало других моментов, которые разрушали устоявшиеся представления. Но главное, что я, как и прежде, доказывал: комсомол должен не только «брать» от молодого человека, но и «давать» ему нечто такое, что его интересует, волнует, в чем он остро нуждается — в устройстве быта, выборе жизненного пути, помощи в решении семейных проблем и т. п.

«Ну что тут особенного, — скажет любой сегодня. — Это банально». Сегодня — банально, а тогда это был вызов. Ибо действовала формула: «Партия сказала: надо — комсомол ответил: есть».

Именно поэтому «классики» истории ВЛКСМ В. А. Сулемов, А. С. Трайнин и другие встретили мои идеи с нескрываемым бешенством. С Сулемовым мы вскоре стали врагами, хотя я говорил ему: «Володя, да неужели нам стоит ссориться из-за того, что мы по-разному понимаем некоторые вещи?» Он сказал: «Да ты вообще антипартийную позицию занимаешь, ты отступил от марксизма-ленинизма». Это был 1981 год. Кто думал, что до развала страны остается 10 лет?!

Всего, что я пережил в связи с защитой своей докторской, не перескажешь. Два года ее текст лежал без всякого движения на кафедре научного коммунизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Потом основной рецензент А. Ковальчук (главный «страж» чистоты марксизма-ленинизма на этой кафедре) сделал мне столько и таких «замечаний», что это означало, что я должен написать работу заново. Я отказался. Тогда покатила волна анонимок. Из-за них дважды защита моей докторской буквально за неделю до назначенного дня переносилась, хотя уже был разослан реферат. Мою «научную и нравственную чистоту» проверяли 16 комиссий ЦК КПСС, КПК, ЦК ВЛКСМ и других органов всех уровней управления.

Защита все-таки состоялась: 18 голосов — «за», 1 — «против» (А. Ковальчук).

После этого пошли в ход открытые письма с «авторитетными» подписями. Через год на том же спецсовете АОН по решению ВАК в присутствии группы «заявителей» (Волков, Мяскин и др.) состоялась повторная защита моей диссертации. Голосование было единымгласным. (Ковальчук отсутствовал). Но это стоило мне огромного нервного и физического перенапряжения. Вскоре меня, в тот момент секретаря парткома ВКШ, прямо из кабинета увезли в больницу с двойным предварительным диагнозом — «инсульт» и «инфаркт». К счастью, оба диагноза не подтвердились. Но я пролежал в больнице № 15 полтора месяца.

Травля продолжалась и позднее, когда я уже был директором НИЦ. В конце концов, была назначена комиссия ЦК КПСС во главе

(небывалый случай!) с зам. завом орготдела ЦК КПСС, который придумал иезуитский ход: заставил всех проректоров написать письма, в которых сказать все, что каждый думает о своих коллегах, в том числе о ректоре ВКШ Трущенко, секретаре парткома Бобкове и, естественно, обо мне, директоре НИЦ. Итог: Бобков был снят с работы; Трущенко предложили уйти по собственному желанию. А мне не сделали даже замечания, хотя я отказался писать о своих коллегах.

Я думал все-таки, что мои идеи о комсомоле начнут работать. В 1984 году мне удалось выпустить коллективный труд — учебное пособие «Комсомольское строительство», которое было пронизано моими идеями. Я думал, что постепенно комсомольские работники будут усваивать новые идеи, постепенно изменится образ понимания комсомола, а следовательно, и сама организация изменится в лучшую сторону. Разумеется, подготовка этого пособия и его издание сопровождались скандалами. Но это отдельная песня...

Я не хую советские времена: в них было много хорошего, чего не хватает сейчас. Но было много и отвратительного, мерзкого, в частности интеллектуальная несвобода и во многом деланая, лживая «забота о человеке», в частности о человеке молодом.

Наиболее важным в своей исследовательской и научно-практической деятельности я считаю выдвижение идеи государственной молодежной политики и борьбу за ее реализацию.

Термин «государственная молодежная политика» изобрел не я. На Западе он существовал с конца 60-х годов XX столетия. Но в лексиконе советских людей, в научном обороте такого понятия не существовало. Был комсомол, было коммунистическое воспитание молодежи и партийное руководство комсомолом. Все. Никакой нужды в понятии «молодежная политика», «государственная молодежная политика» ни у кого не было.

Я стал заниматься этим вопросом в научном плане с 1984 года и только 29 октября 1986 года, будучи директором НИЦ, высту-

пил с докладом на эту тему на ежегодной научной сессии НИЦ. Позднее опубликовал статью в журнале «Коммунист» и принялся продвигать идею о необходимости принятия так называемого «Закона о молодежи». И тут я был не «один из первых», как только что говорилось в одном из докладов, а именно — **первым**.

Идея государственной молодежной политики была опасной для партии, которая была тождественна понятию «государство», фактически выполняла его функции. В случае появления такого закона КПСС должна была поделиться с государством своей монополией на политику в отношении молодежи. Это вносило сумятицу в сознание партработников, вызывало раздражение и недоуменный вопрос: «Зачем это нужно? И кто такой этот Ильинский, чтобы ставить такой вопрос? На этот счет есть ЦК партии, ее аппарат».

Идея эта была опасной для комсомола, так как молодежная политика полностью отнимала у него социальную функцию, хотя, как я только что говорил, она не осознавалась и не реализовывалась. Это несомненно умаляло вес комсомола в обществе, авторитет в глазах молодежи, который и без того был уже невысок и падал на глазах.

В силу этих обстоятельств идея государственной молодежной политики была крайне опасной для ее автора и носителя, то есть лично для меня. Понимая, что рискую должностью и своим будущим, я тем не менее шаг за шагом продвигал эту идею, набирал себе соратников и союзников в научной среде, в СМИ и в обществе, нарабатывал теоретический материал.

Я делал это, будучи абсолютно уверенным в том, что идея эта в какой-то мере является спасительной для советского общества и комсомола. В конце концов, я и мои соратники сумели осветить вопрос так, что общество и высшие партруководители убедились в справедливости этой идеи и необходимости ее реализации в тот исторический момент, сделали эту идею достоянием всеобщей гласности. «Зеленый свет» этой идее дал сам Генсек ЦК КПСС М. С. Горбачев в одном из докладов.

Ныне любой может сказать: «Ну кто же не знает, что такое молодежная политика? В чем тут заслуга Ильинского?..» Не соглашусь. Д. И. Менделеев как-то заметил, что «справедливость требует не тому отдать наибольшую научную славу, кто первый высказал известную истину, а тому, кто умел убедить в ней других, показал ее достоверность и сделал ее применимой в науке и в жизни».

В данном случае я был тем человеком, который первым высказал истину о государственной молодежной политике, кто убедил в ней других, кто сделал ее применимой. Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» был принят Верховным Советом СССР. Был создан Комитет по делам молодежи СССР, Комиссии по делам молодежи в ЦК КПСС, Верховном Совете СССР, в республиках, краях, областях. Одним словом, в СССР была создана новая и очень важная отрасль деятельности, которая, развернувшись она раньше, возможно, предотвратила бы развал страны: ведь именно молодежь была «горючим» материалом «перестройки» и «реформ». Но было уже поздно, СССР рухнул.

Можно сказать, что вся работа пошла псу под хвост. Во многом это так и есть. Но не вполне. Идея государственной молодежной политики живет в обществе, как жива она в науке и практике: молодежная политика, хоть и хилая, но все же существует. И я знаю, кто зажег огонь первым — это был я. Все остальные лишь подбрасывают сегодня в этот огонь «щепки» и «поленья», забывая, что все имеет свое начало.

Можно подумать, будто все мои проблемы и тревожения были связаны с изъянами и пороками прежней Системы — жесткими правилами игры со стороны органов партии, комсомола, госцензурой и т. п. Отчасти это так.

Но вот наступила новая эпоха — эпоха «свободы» и «демократии». Казалось бы изменилось все: свободы — вдоволь, демократии — захлеб. Твори, что хочешь и как хочешь. Увы. Исследователи и педагоги оказались в новых, еще более жестоких тисках —

экономических. Что это такое в принципе — всем присутствующим хорошо известно. Расскажу о том, что пережил в связи с этим НИЦ при Институте молодежи и я, как его директор.

В 1989–1991 годах финансирование НИЦ быстро сокращалось. Почти из 300 работников и 30 отделов и секторов к середине 1991 года в НИЦ оставалось около 20 сотрудников, и еще человек 30 просто хранили в отделе кадров свои трудовые книжки, не получая зарплаты. В последний момент развала ВЛКСМ мне удалось буквально со скандалом выцарапать от ЦК 237 тыс. рублей, которых хватало на зарплату на несколько месяцев. В сущности, это все равно означало скорую гибель НИЦ. Многие из работников НИЦ уже подрабатывали на стороне, добывали на хлеб, как могли. В том числе и я. Но я никак не мог смириться с мыслью, что это — конец. Мне удалось уговорить А. Шаронова, тогда Полномочного представителя Президента РФ по делам молодежи, сделать НИЦ заказ на подготовку первого Доклада Правительству РФ «О положении молодежи». Он согласился, написал по этому поводу письмо мне и ректору Института молодежи Г. С. Головачеву, но при этом говорил, что денег на этот заказ у него пока нет.

Я уговорил Г. С. Головачева разрешить нам сдать в аренду 120 м² площадей НИЦ, и на вырученные деньги в течение года группа специалистов в составе 30 человек подготовила этот доклад. На мой взгляд, интереснейший, до сих пор не утративший актуальности. Из 45 параграфов 24 написаны мною, а остальные — мною же многократно и решительно отредактированы в сторону объективности представленной картины, которая уже к тому моменту была ужасающей. Наш материал был опубликован отдельной книгой «Молодежь России: тенденции и перспективы» (М.: Молодая гвардия, 1993. — 224 с.).

В аппарате Комитета по делам молодежи этот крайне острый, но объективный материал «успокоили» и представили в Правительство РФ. Однако никакой реакции на него не последовало. Думаю, в этот момент

все были заняты только одним: «приватизацией». Такое отношение к нашему тревожному докладу меня не удивило: по сравнению с прошлыми временами в этом не было ничего нового. Хорошо, хоть не ругали. Зато я выполнил очень важную задачу: спас НИЦ от гибели — через год деньги за проделанную работу А. Шаронов нам отдал.

А вот история одной из моих идей и платы за оглашение истины, которая также стоит внимания и весьма поучительна. Речь идет о подготовке второго Доклада «О положении молодежи» Правительству России.

Конец 1992 года. Первый Доклад — в печати. Я беспокоился о том, как добиться заказа на новый доклад, думал о проблеме, которой он может быть посвящен. Я искал острую, общественно значимую проблему. И жизнь тут же подбросила ее: приказом министра образования из деятельности школ, вузов и других образовательных учреждений была изъята воспитательная функция, упразднены должности зам. директоров и ректоров по воспитательной работе и руководимые ими подразделения. Воспитание перестало быть обязанностью образовательных заведений. Разрушалась вся система воспитания. Само понятие «образование» фактически сводилось к обучению. Слово «воспитание» фактически изымалось из словаря педагогов, общественных и политических деятелей, СМИ. Все начали дружно говорить об «адаптации» и «социализации» молодежи, которые якобы должны и способны успешно заменить воспитание на этапе строительства «новой» России.

Мне было понятно, что это невероятная глупость, громадная ошибка, но сообщество государственных образовательных учреждений, ошарашенное напором властей, покорно молчало и, более того, спешно выполняло указания Министерства. Все это происходило на фоне быстрого расширения масштабов таких ужасающих и до тех пор неизвестных, новых отвратительных явлений, как наркомания, проституция, алкоголизм, преступность, «дедовщина», безработица и т. п., о которых мы только что писали в первом

Докладе «О положении молодежи». Я был просто потрясен решением министерства.

Предложил А. Шаронову подготовить Правительству доклад именно по проблеме воспитания молодежи. Он отказался. И его не трудно было понять: он был госслужащим в ранге министра. Выступить против линии Правительства, борющегося с воспитанием, которое в ту пору ассоциировалось у членов этого Правительства исключительно с воспитанием коммунистическим, вероятней всего, значило лишиться должности. Тем не менее я не отступал, периодически возвращаясь к разговору на эту тему.

Параллельно, как член Совета по делам молодежи при Президенте РФ, я пытался склонить на свою сторону членов этого Совета, добивался, чтобы этот вопрос включили в повестку одного из заседаний Совета. Это удалось. Но на заседании профессор Бестужев-Лада и еще несколько членов Совета стали петь все ту же песню об «адаптации» и «социализации», выступили категорически против воспитания молодежи в «новых» условиях. Мое предложение отклонили.

На помощь пришла Е. Е. Чепурных — председатель подкомитета по делам молодежи Госдумы РФ. Вместе с ней мы постепенно склонили А. Шаронова к согласию на подготовку такого доклада.

На всю эту «работу» ушел почти весь 1993 год, и только в начале 1994 года мы бешеными темпами подготовили и представили доклад по этой острейшей проблеме, конструктивной частью которого была «Концепция воспитания жизнеспособных поколений». Был использован широчайший круг источников, в том числе проведен ряд социологических исследований. По ряду причин мне трижды приходилось почти полностью обновлять состав авторов, а 17 параграфов из 29 доклада, в том числе почти всю Концепцию, писать самому. В июле 1995 года монография «Молодежь: будущее России» (М., 1995. — 240 с.) вышла из печати. На ее основе аппарат Комитета по делам молодежи с участием «лояльных» специалистов подготовил текст Доклада Правительству

«Воспитание жизнеспособных поколений», который был вынесен на очное заседание Правительства РФ.

Председательствовал В. Черномырдин. В обсуждении приняли участие первый зам. премьера Сосковец, министр обороны Грачев, председатель Комитета по образованию Кинелев. Доклад был признан «очернительским», «искажающим существовавшую действительность, положение молодежи и ее характеристику». Было принято решение: розданный участникам заседания доклад — изъять, рассылку на места (губернаторам, органам по делам молодежи, в СМИ и т. д.) — запретить. А. Шаронов получил серьезную взбучку.

По этому поводу у нас в Институте молодежи собралась выездная Коллегия Комитета по делам молодежи, членом которой я был в течение пяти лет. Кое-кто с укоризной смотрел в мою сторону: «Подвел!..» Меня спросили: «Что делать?» Я ответил известными словами: «...коли зло пресечь, собрать все книги бы, да сжечь!» И заявил, что больше никаких докладов этому Правительству я готовить не буду. Слава богу, в тот момент я уже был ректором Института молодежи и, кроме всего прочего, не только не хотел, но и не имел времени заниматься делами, которые не находили поддержки у тех, кому они, казалось бы, крайне необходимы...

Идея воспитания жизнеспособных поколений, которые не приспосабливаются (адаптируются) к изменяющимся и ухудшающимся условиям жизни, а, напротив, способны противостоять им, изменять и развивать их согласно высоким и усвоенным духовно-нравственным ценностям, в тот момент представлялась **опасной** для существующей власти. Самостоятельно мыслящей, социально и политически активной личностью невозможно манипулировать, ее сложно обмануть, заставить «голосовать сердцем» и т. п. В момент разграбления страны народ представлял для власти главную опасность. Более того, даже в развитом капитализме действительно свободный, широко образованный и понимающий Происходящее чело-

век не нужен, не востребован теми, кто управляет и наживается.

Отсюда вывод: **независимо мыслящий** исследователь (социолог, политолог, писатель, журналист и т. п.) также не нужен власти ни при каком социально-политическом устройстве: ни при тоталитарном, ни при авторитарном, ни при либеральном. Он обречен на **противостояние власти** и должен сознавать, что это — его удел и его миссия, которую он принимает на себя добровольно. При этом, будучи необходим и полезен обществу в целом, он не должен строить иллюзий насчет признания и благодарности на этот счет даже со стороны общества. Со стороны сообщества своих коллег в том числе. Обратное случается крайне редко.

Как же быть в такой ситуации? Продолжать свое дело. Именно так я поступал всегда, в том числе в только что описанной ситуации. Теперь уже как практик.

В 1996 году Е. Е. Чепурных стала зам. министра образования РФ. В сфере ее обязанностей находилась работа со студентами. Я несколько раз встречался с Еленой Евгеньевной, убеждал ее поставить вопрос о восстановлении воспитательной функции в школах и вузах.

Однажды по этому поводу Е. Е. Чепурных собрала большое совещание с участием представителей науки, в том числе Российской академии образования. Договорились провести в нашем вузе (Институте молодежи) Всероссийское совещание проректоров вузов и обсудить эту проблему. Весной 1997 года впервые за последние 10 лет такая конференция, в которой участвовали представители более 400 государственных вузов, состоялась. Ее вела Е. Е. Чепурных, а я — ректор **негосударственного вуза** — выступал на ней с **основным докладом**.

В 1998 году Коллегия Министерства образования РФ восстановила воспитательную функцию в школах и вузах РФ. Ее изъятие было признано **крупной ошибкой**, которая очень дорого обошлась обществу и молодежи.

Началось строительство новой системы воспитания, что было невозможно без опре-

деленных теоретических основ. Многие вузы (это подтвердит Евгений Анатольевич Белый, который год назад защитил кандидатскую диссертацию по вопросам воспитания) в значительной мере, а некоторые — полностью использовали мою концепцию воспитания жизнеспособных поколений, подготовленную в 1994 году.

Я мог бы вам рассказывать еще и еще о все новых и новых сюжетах, но я уже злоупотребляю временем.

В феврале 1994 года начался этап моей деятельности как ректора. Здесь говорили обо мне как об организаторе. Да, все было именно так. Институт молодежи был на грани развала: полная разруха материально-технической базы, безденежье, страх перед настоящим и будущим, панические настроения, бегство сотрудников, отсутствие вдохновляющих и реальных планов выхода из катастрофы, безумие, безволие управленческой «верхушки». Вуз, его территория и здания уже были поделены арендаторами, еще не овладевшими ими, но уже прикидывавшими, кто и что будет иметь. Свободными от аренды были здание №3, в котором мы сейчас находимся, 2-й корпус и два общежития. Все остальное было в аренде. А два здания абсолютно разрушены — без перекрытий и крыш, без окон и дверей. Нужны были конструктивные идеи, планы, вера людей в их осуществимость и — воля руководства для реализации намеченного. Это была задача всего руководства, но прежде всего — лично моя.

Я снова вступил в борьбу. Это было сложно. Это было страшно. Это было опасно.

Нет времени рассказывать, как мы вытаскивали заглохшие куски площадей наших зданий и сооружений из «желудков» различных арендаторов. Как за моим автомобилем в целях устрашения ходили какие-то машины. Как мне звонили с угрозами. Как меня «заказывали». Как мне помогала ФСБ, чтобы не пристрелили. Об этом знают проректоры, которые находятся в зале. Все это — психологический фон. Бывало жутковато...

Нам удалось осуществить практически все намеченные планы. Я говорю «нам», а не

«мне», потому что в одиночку, будь ты и семи пядей во лбу, ничего не сделаешь. Хотя, конечно, понимаю и свою роль. Она значительна и существенна. Это организационная сторона вопроса.

Но ректор — не только управленец. Настоящий ректор — это и педагог, и ученый, отвечающий за организацию и содержание образовательного процесса. Обо всем этом хорошо сказал Сергей Иванович Плаксий в своей книге «Стратегия успешного вуза».

Как человека, который стал предметно заниматься образованием, меня волновало и волнует целое море вопросов, по поводу которых я не согласен с органами управления образовательным процессом в России. Так родилась моя книга «Образовательная революция». Выступающие говорили о ней в докладах.

Речь идет о предмете образования, о проблеме понимания, к которой я в этой книге только прикоснулся. Я только что говорил, что все время спешу, работаю на бегу, что мои работы страдают незавершенностью. Книга «Образовательная революция» также не завершена, прежде всего в главном разделе. Я торопился сделать эту книжку к очередному съезду ректоров России. В очередной раз я — натура романтическая (хотя я в то же время и прагматик, и рационалист) наивно полагал, что там, «наверху», это кому-то нужно. В принципе я верю, что до сознания любого человека, если он не идиот, можно рано или поздно достучаться, что Словом можно многое изменить. Я думал: «Вот я напишу книгу, прочитают ее ректоры, прочитают министр и его подчиненные, прочитают и поймут, что не ЕГЭ и ГИФО и прочие «заморочки» должны сегодня заботить министерство и Правительство, а **предмет и содержание** образования: чему учить новые поколения. В этом должна быть суть реформы. Это важно для будущего нашего общества. Ведь сегодня людьми, особенно молодежью, бессовестно манипулируют. Как упорядочить, утвердить сознание людей, а значит, и всю нашу жизнь? Как внести в их души больше доброты, чести, совести? Как это сделать?

Через образование. Да, мы — **профессиональное образование**. Но **мы — образование**. Мы — **высшее образование**. Высшее!

Мы должны формировать высший **духовный** слой общества, а не только элиту деловую, политическую. Выпускники вузов, тем более университетов, должны быть птицами высокого полета. Политика и бизнес могут быть соединены с совестью и честью, с нравственностью.

Я написал «Образовательную революцию», разослал книгу многим ректорам России. И что самое удивительное, я получил очень много отзывов — обращаю ваше внимание — от ректоров прежде всего технических вузов со словами большой благодарности за эту книгу. Свои идеи я уже не раз озвучивал на разных высоких собраниях: в Госдуме, Совете Федерации, в Правительстве.

Худо-бедно, но мои идеи все-таки «работают».

Меня особенно волнует судьба **негосударственного образования**. Я написал и в 2004 году издал книгу «Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации». Это **единственная в своем роде** книга по этой проблеме, написанная не в сугубо историческом аспекте, а в социально-философском, теоретическом плане, с точки зрения смысла, сущности негосударственного образования как социального феномена и стремления понять, что есть этот феномен, как и почему он возник, насколько исторически предопределен, насколько необходим, возможен и целесообразен «вообще» и в российском обществе в частности.

Говорят, что понятие «негосударственное» образование некорректно. Это неверно. Но не надо пугаться слова «негосударственное», которое кое-кто понимает как «антигосударственное». Ведь существует же сфера государственной и есть сфера частной, **не-государственной** жизни. Это существует в реальности, это доказано теоретически. Поэтому такого рода вузы на Западе и называют «частными», хотя на самом деле учредителями их являются не только част-

ные лица, но и юридические лица. Они именно не-государственные.

Я считаю, что эта книжка и идеи, которые в ней содержатся, если достучаться до сознания людей, которые принимают решения по вопросам образования, могла бы многое изменить в образовательном пространстве России, в отношении к нашим вузам и к тому, что мы делаем... Но этим надо заниматься каждый день. Не все, однако, хотят тратить на это время и нервы.

Буквально за час до начала нашей конференции мне позвонил ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета Александр Сергеевич Запесоцкий — этакий большой-пребольшой интеллигент, привыкший работать, как говорится, в белых перчатках. Спрашивает меня: «Игорь Михайлович, как Вы оцениваете ситуацию, нынешнее отношение властей к негосударственным вузам?» Я говорю: «Александр Сергеевич, дорогой, я могу повторить все, что говорил Вам три года назад в Санкт-Петербурге: сложная, плохая и все ухудшающаяся ситуация. Надо объединяться, быть на страже и пахать каждый день. Пока же вы живы благодаря тому, что пашем мы. Я — пашу, а Вы — наблюдаете и спрашиваете: как дела?»

Мы отслеживаем этот процесс ежедневно с тем же Сергеем Ивановичем Плаксием, вице-президентом Союза негосударственных вузов. Мы тянем эту работу для того, чтобы защитить сектор негосударственного образования и доказать, что «негосударственный» вовсе не означает «антигосударственный», плохой. Наоборот. Совсем наоборот. Мы на практике демонстрируем высокие образовательные стандарты, занимаемся законотворчеством, научной работой.

Я горжусь этой книжкой. Но все это стоит огромных нервов, времени и многих других потерь, о которых знают только близкие люди.

Меня волнует не только образование, молодежь. Меня волнует судьба страны, в которой я живу, события в мире, глобальные проблемы. И я говорю об этом в своих статьях, интервью и таких книжках, как «Куда

идти России», «О терроре и терроризме», «О «культуре» войны и Культуре мира» — это все рефлексия по поводу Происходящего. В канун юбилея вышли книги: «Между Будущим и Прошлым. Социальная философия о Происходящем», сборник моих статей «Общество. Образование. Человек».

Неожиданным для меня является то, что мои идеи и оценки иногда оказываются новостью для профессионалов — ученых и практиков.

Так было, например, с книгой «О «культуре» войны и Культуре мира», вышедшей в 1999 году. Я написал ее как директор Международного института ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократии», чтобы показать свое видение проблем культуры мира в канун происходившего в Москве Форума мэров городов. Одна из конференций в рамках этого форума проходила в нашем вузе. Как «хозяин», я должен был представить себя и в научном плане. Но лучше всего в этой книжке вышла глава, в которой я излагал свое понимание новой концепции войны в конце XX века. Мне казалось, что я излагаю, в общем-то, очевидные истины. К моему удивлению, мне вскоре позвонил только что ушедший в отставку министр обороны России Игорь Николаевич Родионов, который по случаю прочитал мою книжку, и попросил о встрече. Мы просидели с ним за «чаем» в моей комнате отдыха несколько часов. Он сказал, в частности, что в Генштабе о войне думают по-прежнему в окопных терминах начала XX века, что работникам Генштаба надо прочитать мою работу. Более того, именно за эту книжку меня приняли в Академию военных наук, академиками которой являются генералы.

Только что вышла из печати книга «Главный противник», в которой собраны некогда секретные документы внешней политики и стратегии США 1945–1950 годов. Впервые в России. Впервые на русском языке. Документы эти показывают, как США боролись с СССР, каковы их истинные планы в отношении России. Для меня удивительно то, что не кто-нибудь иной, скажем, из Института

США и Канады РАН, а именно я, ректор негосударственного вуза, отыскал эти документы, организовал перевод с английского, написал вступительную статью. Думаю, что эта книга наделает немало шуму.

Поскольку я занимаюсь самоидентификацией, будет правомерно, если я скажу кое-что о тех особенностях, которые, на мой взгляд, свойственны моему творчеству.

Первая особенность. Все мои работы нацелены на поиск смыслов происходящего, на выявление **сущностных** сторон явлений и процессов, а не просто на их описание или объяснение. **Понимание** — вот цель моих работ. Понимание с целью привнесения смыслов и моего понимания в общественное сознание.

Вторая особенность — нацеленность на практику, на перемены действительности к лучшему...

Есть люди, которые просто познают действительность, описывают ее, издают книжки и кладут их на книжные полки, не добиваясь перемен в жизни. Познание для них — конечная цель. Мне же этого мало. Мне хочется видеть результаты своих идей, претворенные в живую практику. Я бы назвал свой **тип мышления проектным**. Здесь познание — лишь начало проекта. Я задумываю что-то «вообще», а потом с помощью других исследователей разрабатываю свои идеи в деталях, довожу до стадии перспективных и оперативных планов, которые сам же, часто с этими же людьми во главе отдельных направлений довожу до воплощения в реальную действительность. По правде говоря, я не люблю заниматься мелочами, разработкой «узлов» и деталей. Мне интересно быть генератором идей, главным конструктором. Для меня важно, чтобы «самолет» полетел, «корабль» пошел. Другое дело, что весь «проект» я держу в своей голове, контролирую работу конструкторов.

Так было с идеей государственной молодежной политики.

Так было с Научно-исследовательским центром вообще, который я принял разваленным, численностью в 40 работников,

а превратил в известный в стране и в мире научный институт, где было более 30 отделов и секторов, более 200 научных сотрудников.

Так было и есть с нашим университетом, который во всех отношениях отличается от Института молодежи 1994 года как небо от земли, где реализуется моя идея о создании собственного университетского образовательного стандарта по формуле «Госстандарт+».

Так было и есть с моей идеей об образовательной революции, в основе которой лежит проблема понимания. Создан Институт гуманитарных исследований, в котором разрабатывается и эта идея. Создан журнал «Знание. Понимание. Умение». Главная комплексная тема исследований всего нашего университета — «Образование и образованный человек в XXI веке». Состоялись уже две Всероссийские конференции «Высшее образование для XXI века», и готовится третья.

Двенадцать моих докладов на августовских совещаниях нашего университета, объединенных в книге «Путь к успеху» (2004 г.), — еще одно свидетельство этому. Я считаю их подлинно научными, ибо все они построены на осмыслении практики не только нашего университета, но и процессов, происходящих в российском и мировом образовании.

Так было и есть с идеей негосударственного образования, для защиты и развития которого я создал и возглавляю два Союза негосударственных вузов — Московский и Национальный. Вот уже восемь лет я на сугубо общественных началах трачу массу времени на работу в этих структурах. Моя «корысть» — утверждение идеи негосударственного образования в общественном сознании путем показа на практике, что вузы этого рода могут сделать для российского образования не меньше, а часто больше, чем государственные. Для меня это — проект, по поводу которого я постоянно размышляю, даю интервью, пишу статьи, книги, доклады.

И так далее. Я всегда шел к исследованиям от практики. Я всегда был практикующим исследователем. Я наткнулся на проблемы,

выбирал самые острые, самые злые из них и исследовал, полагая, что каждое мое исследование должно заканчиваться соображениями по поводу того, что и как надо делать. И — делал. Я полагаю себя одновременно человеком Слова и человеком Дела. И чему я привержен больше, я не знаю. Для меня Слово — тоже Дело. Но когда я сказал, я должен доказать, что мое Слово может претвориться в Дело.

Третья особенность — простота изложения. Мне часто говорят: «Все в ваших работах выглядит так просто и понятно. Мне кажется, я это знал, что я тоже так думал». Но просто говорит тот, кто хорошо знает предмет, о котором рассуждает. Кто пишет для русских на хорошем русском языке. Кто пишет об общественных проблемах, понимая, что они могут быть разрешены только при условии, если о них узнают, их поймут миллионы. Социальные законы реализуются через сознание и деятельность людей, масс. Когда я начинаю о чем-то писать, то многого не знаю и не понимаю сам. Приходится очень много читать и думать, писать и переписывать. Я стараюсь писать так, чтобы написанное мною мог понять даже слесарь-сантехник без среднего образования.

Когда я редактирую написанное мною, то замечаю, что в тексте очень мало иностранных слов, так называемых научных терминов, заимствованных из других языков. Я избегаю их естественным образом, не задумываясь. Думаю, потому, что в моей голове достаточно русских слов, вполне позволяющих внятно изложить любую мысль. Мне противно наукообразие.

Четвертая особенность — прогностичность моих работ. Когда я перечитываю иногда некоторые сюжеты из своих книг, то вижу, что большинство моих идей не устарело, оценки, выводы и рекомендации не утратили своей актуальности. Почему это происходит? Вполне удовлетворительно ответить трудно. Причин много. Во-первых, сколько бы ни говорили о том, что будущее непредсказуемо, по большому счету я считаю это глупостью. Будущего нет у того, кто не ду-

мает о будущем. Кто не хочет знать истории, из которой это будущее вырастает. Кто не способен охватить своим умом хотя бы главные стороны действительности, соотнести цель и средство, причину и следствие, частное с общим, региональное с национальным, а национальное с глобальным и т. д. У кого нет научной интуиции, знания и опыта общественной жизни. Кому не хватает мудрости, которую еще Аристотель называл самой точной наукой. Мне кажется, все это у меня понемножку (чего-то больше, чего-то меньше) имеется.

Пятая особенность — я не трус. Ни в мыслях, ни в поступках. Я весьма серьезно и ответственно отношусь к тому, о чем пишу. Но если я понял проблему, мне всегда хватало смелости сообщить об этом обществу, хотя мне нередко говорили: «Осторожней! Это опасно!» Да, когда ты понимаешь, что твои мысли идут вразрез с официальными идеями, реальной политикой и общественным мнением, надо иметь мужество говорить то, что думаешь, зная, что, не получая ни выгоды, ни славы, можешь нажать как минимум кучу разных неприятностей. Я многократно бывал в этой ситуации. И это чушь, что смелым человека делает страх, положение, когда у него нет иного выбора, кроме как погибнуть или быть смелым. Выбор есть всегда: ничего не делать. Но есть понятие долга. Долг ученого — искать истину и, найдя ее, сообщать о ней миру, чего бы это ему ни стоило. Иначе ты не ученый. Ученому, как любому человеку, присуще чувство страха, но он преодолевает его, если действительно служит Истине.

Уважаемые коллеги! Прослушав мой рассказ, вы вправе задать несколько вопросов. Почему я все время наталкивался и до сих пор наталкиваюсь на непонимание, неприятие и враждебность в отношении большинства моих идей и действий? Даже в «новой» и свободной России? Может, дело во мне — в моем дрянном характере, неумении или нежелании правильно «упаковать» и красиво «подать» эти идеи? Может, надо быть сговорчивее, смиреннее, уступчивее?

Не идеализируя свой характер, скажу, что дело вовсе не в нем. Многие, кто не согласен со мной, в глаза меня не видели. Как те члены Правительства, которые признали мои выводы по поводу воспитания очернительскими, а идеи — неуместными. Дело совсем в другом: во всех случаях, о которых я рассказал, мои взгляды и позиции были либо невыгодны, либо откровенно опасны для тех, к кому они были обращены. Но я всегда считал, что истинную ценность представляют именно опасные мысли. Почему? Потому, что новая и сильная мысль есть вызов старой и ослабевшей мысли. Новая огненная идея грозит отжившей традиции. Познание и развитие истины — это путь, это процесс зарождения и умирания мыслей вследствие появления новых и более сильных идей. Новое всегда затрагивает носителей Старого — конкретных людей, добившихся должностей и званий, а теперь вынужденных понимать, что когда-то они были далеко не во всем правыми и не такими уж великими. Если же опасность грозит властям и правителям, то это уже почти приговор носителю новых мыслей. Но если бы их не было — отважных и бесстрашных творцов, жертвующих своим здоровьем, а то и жизнью ради Истины, жизнь просто остановилась бы.

К чему я все это говорю? К кому обращаю слова свои? Прежде всего к тем, кто только начинает свой путь в науке, — к аспирантам и студентам, находящимся в этом зале и за его пределами. Наука требует великой страсти. Наука требует напряжения всех сил, служения ей. Наука требует бесстрашия и жертвенности в служении Истине. Давно сказано: у входа в науку, как у входа в ад, должно быть выставлено требование:

«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета».

Те, кто смотрит на науку как на дойную корову, — это просто ремесленники и шарлатаны, которые к науке не имеют никакого отношения.

Никогда не бросайте дело на полпути, смело и отважно идите к цели и — пусть будет, как будет. Если вы чувствуете свою правоту, если вы не халтурите, вы так или иначе дойдете до цели и победите.

Только тот добился успеха в жизни, кто прожил ее так, как хотел и был при этом на своем месте, то есть правильно самоопределился. Как видите, со мною это произошло далеко не сразу, не в юности, а в зрелом возрасте, но все же — произошло. Я нашел себя в науке и образовании, которым служил, служу и буду служить с удовольствием и полной самоотдачей. Последние тридцать лет я шел от успеха к успеху, получая наслаждение от процесса движения к целям, которые ставил перед собой и организациями, которые возглавлял, и, естественно, от тех промежуточных побед, которые мы одерживали.

Я горжусь, однако, не только успехами, но и тем, что в борьбе за достижение своих малых и больших целей я никогда и никого не предал, не бросил никого из своих друзей и соратников; насколько помню, никогда и ни с кем не начинал войну первым, тратил много времени на то, чтобы избежать конфронтации, добиться результата мирными способами. Но уж если воевал, то по всем правилам войны и только на выигрыш. И — выигрывал...

Большое спасибо вам за то, что вы пришли на эту конференцию. За то, что вы сказали обо мне много добрых слов. Я исключая из всего сказанного в мой адрес известную долю юбилейной комплиментарности, но все же соглашаюсь с вами: в науке я кое-что сделал и кое-что значу.